

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

И. В. Красавин

ЖЕЛАНИЕ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Постклассическое представление о желании связано с появлением гетерологических ориентаций в современном общественном сознании, кризисом модели единого подчиняющего смыслового центра, или основания, в толковании бытия. Данный контекст выводит понятие желания в сферу онтологии. Интерпретация понятия желания, учитывая толкование бытия как бытия-вместе, позволяет сделать акцент на его многомерности, нелинейности и событийности.

Подобное толкование понятия желания как центральной человеческой характеристики проясняет специфику существования желания в структурировании социальности. Онтологическое понимание желания предполагает, что оно, желание, совершается не на уровне сознания, выступая в качестве результата познания, а укоренено в самом бытии человека, являясь его сущностной чертой. Такова исходная посылка онтологического обоснования желания: желание есть естественный и единственный способ социального бытия человека.

Понимание желания как онтологической модальности социального бытия позволяет избежать сугубо эмпирического истолкования социальной природы желания, нередко отождествляемого в литературе с проявлением «психики» отдельного индивида. Именно благодаря такому подходу возможно представить желание как богатое по своему содержанию социальное явление.

Адекватное описание желания требует признания множественности сущего. Бытие такого сущего несамостоятельно, поскольку выражает все изменения последнего. Признание несамостоятельности сущего и бытия

позволяет снять вопрос об иерархии между ними. То есть, «высказываясь многообразно», бытие сущего высказывается однозначно¹. Понятие однозначности предполагает, что любые проявления сущего высказывают одно бытие и в равной степени ему принадлежат. Равенство в принадлежности различных проявлений сущего одному бытию предполагает отсутствие иерархии как между бытием и сущим, так и между различными видами сущего, а также между различными толкованиями бытия. Ни один из видов сущего не содержит большего смысла бытия по сравнению с другим и не может претендовать на большее выражение его смысла.

Множественность – это прежде всего «монадическое распределение» фундаментально неиерархического бытия. Множественное бытие гетерархично, поскольку его различные аспекты образуют связи как «внутри» отдельной системы, так и «вне» ее. Любой элемент любой системы в таком случае сам оказывается при определенных условиях рассмотрения системой, и наоборот, участвует в разнопорядковых системах организации сущего, подчиняя и подчиняясь, будучи, таким образом, нетождественным самому себе, пребывая здесь и везде, сейчас и тогда и утверждая нескончаемую игру различия. Иерархия здесь оказывается частным случаем гетерархии. Множественность в таком случае должна пониматься в качестве неотъемлемого свойства бытия, не выводимого из некоего изначального единства. Наоборот, единое является одной из форм множественности.

Для объяснения формы осуществления множественности Ж. Делез предложил модель ризомы. Ризома – это сетевидная структура, не имеющая центра, отличная от иерархической линейной структуры. Она является самодостаточной в любой точке и распространяется по всем направлениям вширь. Можно сказать, что ризома не просто растет вширь в пространстве, а создает само это пространство, и каждая точка сети взаимодействуют с потенциально неопишваемым количеством других точек².

Понятие множественности сущего указывает на конституированность сущего, на то, что бытие сущего всегда является со-бытием. Со-бытие не может реализоваться в одиночном (или едином) существе, в любой своей точке равно самому себе, тотальном и замкнутом. Бытие как со-бытие реализуется только в совместности, в которой встречаются разные аспекты бытия сущего. Благодаря различию между собой они получают возможность существовать. Тогда мы по-новому воспринимаем, насколько неразрывно связаны между собой утверждение социальности как игры множественности и различия и невозможность универсальной репрезентации социальности: «В такой онтологии, которая не является “онтологией общества” в смысле “региональной онтологии”, но онтологией как “социальностью” или как “социацией”, более изначальной, чем любое общество, чем любая “индивидуальность” и чем любая “сущность бытия”, в этой онтологии бытие есть *вместе*, оно есть в *качестве со-* самого бытия (со-бытие бытия), хотя бытие и не идентифицируется как *такое* (как бытие бы-

тия), но ставит себя, дается или происходит, дис-позиционирует себя – создает событие, историю, мир – как свое собственное единичное множественное *вместе*»³. «Социация бытия» требует другой онтологии бытия, гетерологии, для которой принципиально важной оказывается идея различия.

Гетерологическая интерпретация социального бытия позволяет использовать понятие желания для описания процессов структурирования социальности. При этом необходимо учитывать, что желание в данном контексте может пониматься двояко: желание как отрицательность и желание как позитивность. Даже самый беглый ретроспективный взгляд на использование понятия желания в философии обнаружит, что желание, принимая различные формы или имена: Eros, epithumia, hormè, appetitus, libido, cupiditas, concupiscentia, conatus, endeavour, appetite, lust, Sehnsucht, Wunsch, Wille, Begierde, inclination, souhait, élan и т. д., всегда предполагает отрицательный опыт нехватки субъекта по отношению к объекту, в общих чертах обнаруживаемый уже у Платона⁴.

Необходимо сразу оговориться, что мы уходим от подобной парадигмы в исследовании желания и пытаемся рассматривать его как особое динамичное состояние бытия, предполагающее его содержательный прирост. В этом заключается понимание желания как позитивности. Задача состоит не в технологическом описании действия желания – его исполнении, удовлетворении и т. д., но в описании его адекватности динамичности и разнородности сущего, образуемого со-бытием. Следуя гетерологике, мы могли бы сказать, что конституируемое различием со-бытие всегда пребывает в некоем «движении». Это движение есть движение различия.

Воспроизводство и соединение/разъединение различий осуществляется тем же самым образом, каким осуществляется желание. Классическая мысль определяла желание в качестве некоей интенции субъекта в отношении внешнего объекта. Мы же утверждаем, что желание само себе и субъект, и объект, поскольку выделение субъекта и объекта до множественности различий невозможно; они рождаются из этой множественности. То есть желание проявляет объект, а вместе с ним и субъект в качестве таковых – они конституируются желанием. Желание – это позитивная производительная сила, превосходящая свой объект, безо всякой нужды в фундаментальной нехватке – кастрации, которая служила бы его основанием. В таком случае под желанием и производством желания мы будем понимать серийное распространение различий, их взаимодействие и отторжение⁵. То, каким образом желание осуществляется, будучи не тождественным самому себе, мы называем экономией⁶.

В данном случае мы считаем уместным обозначить экономию как процесс осуществления систем различий, их складывание и различение с другими различиями. Следовательно, экономия желания – это процесс образования и взаимодействия множественных желаний. Экономия описывает отношения различных частей целого, причем таким образом, что эти части

не тождественны ни целому, ни самим себе, ни их сумме, а само целое также оказывается несамотождественным. Отношения экономики находятся вне статики и динамики, так как желание делает оба эти понятия призрачными.

Описывая желание, Делез указывал, что один его полюс образует власть, а другой – творчество. В сообществе это свойство желания находит выражение в параноидальном (фашистском) и шизофреническом аспектах. Паранойя и шизофрения здесь не тождественны клиническим заболеваниям, а выражают крайние формы организации общества. Параноидальный аспект экономики желания предполагает идентичность объекта. Понятие паранойи становится метафорой власти, благодаря которой образуются структуры различий. Отличным от параноидального является шизофренический аспект, который предполагает уклонение от любого производства, в том числе и производства желания, поскольку не дает ему проявиться в качестве такового, избегая любой идентичности. Шизофрения делает желание несамотождественным, различает желание с другими и с самим собой. Но это лишь крайние точки значений, и они не исчерпывают всех различий и всех возможностей организации желания.

Желание выводит социальность в размерность бытия как со-бытия, удерживая его множественный и гетерогенный характер. Тем не менее утверждение множественности и игры различия недостаточно для понимания той роли, которую исполняет желание в конституировании и структурировании сообщества. Гетерологическая интерпретация понятия желания уходит от понимания сообщества как суммы различий, удерживая их в несамотождественной целостности и позволяя воспроизводиться сообществу как такому в каждое следующее мгновение своего бытия. Желание в данном случае является тем модусом социального бытия, который параноидально удерживает сообщество от распада на отдельные фрагменты различий и шизофренически воспроизводит единство сообщества в различии к самому себе.

¹ Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 53–62.

² Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. L.; N.Y., 2003. P. 3–25.

³ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004. С. 68.

⁴ Разумеется, мы в определенной мере упрощаем ситуацию: далеко не все описания согласуются между собой, и чаще всего принципы оценки у разных авторов существенно расходятся. Например, если бы мы захотели вычленить понимание желания у Платона, мы столкнулись бы с тем, что одним и тем же понятием обозначаются совершенно разнородные реальности: *erithumia* в «Филебе», отличное от толкования того же понятия в «Федоне», *thumos* в «Государстве», *phiestai* в «Федре», *Eros* в «Пире».

⁵ См. также: Желание // Современный философский словарь. М., 2004. С. 128.

⁶ См. также: Экономия // Там же. С. 654.